

Свидание с Детективом

ОЛЬГА БАСКОВА

В ОБЪЯТИЯХ
РУСАЛКИ

Ольга Баскова

В объятиях русалки

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5000845
Ольга Баскова. В объятиях русалки: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63031-8

Аннотация

Даже в отпуске оперативник Леонид Сомов ни на секунду не может расслабиться. Поездка к теплому морю в крымский санаторий и случайное знакомство на пляже со странной женщиной Виолой уже обернулось для него поистине ночным кошмаром. Виола умоляла Леонида выслушать ее, она якобы знает конфиденциальную информацию, касающуюся уголовного дела трехлетней давности. Однако рассказать девушка ничего не успела. Приехав к ней в гости в назначенное время, Леонид обнаружил ее мертвой. Уже никому она не сможет поведать свою страшную тайну, которая унесла ее в могилу. Но преступники думают иначе, и теперь охота началась за самим Сомовым...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Баскова

В объятиях русалки

Глава 1

Леонид Сомов ехал на поезде Москва – Симферополь и думал, правильно ли он сделал, согласившись отправиться на юг в июне. Дело в том, что в их отделе вдруг нарисовалась путевка в крымский курортный поселок Мидас, однако желающих искупаться в еще не согревшемся Черном море не оказалось. Впрочем, у всех были уважительные причины. Константин Скворцов никогда не путешествовал без жены, а Катя ждала ребенка и не могла греться на палящем солнышке, Анастасия Киселева достала путевку в Болгарию, куда они с Павлом должны были отчалить в августе. Короче, выбор пал на него. Поразмыслив, он согласился, однако сейчас, уже подъезжая к Симферополю, вдруг засомневался. Одному, без друзей все же скучно. И зачем накануне он поссорился с Ритой?

Полная краснощекая проводница неопределенного возраста, постоянно потчевавшая его чаем с какими-то горными травами, объявила санитарную зону.

– Собирайтесь, скоро приедем.

Попутчики Леонида – три здоровенных мужика из Сибири, братья-погодки, – кинулись складываться. Они везли столько вещей, что казалось, запихнуть их в одно купе не представляется возможным. Но ребятам все же удалось втиснуть подарки многочисленной родне.

– Разве в Крыму такие грибы? – хохотал старший, показывая трехлитровую бутылку со здоровенными груздями. – У них не грибы, а смех один. Такие и кушать опасно. Не то что у нас.

Грибочками, естественно, дело не ограничилось. В купе запахло салом, чесноком, вяленным мясом. У Леонида создалось впечатление, что родня сибиряков голодала.

– Симферополь! – крикнула проводница.

Немного поскрежежевывая тормозами, поезд остановился у первой платформы. Такие же здоровенные парни, как и его соседи, стали ломиться в двери, толкая возмущенную женщину:

– Пропустите! Вы же уже остановились.

Не устояв под мощным натиском, она сдалась. Парни устремились в купе к сибирякам, считая на своем пути людей и баулы. К счастью, Леонид, зажатый, как в тисках, мощными плечами попутчиков, и не помышлял выйти. Когда купе пополнилось, он стал задыхаться. Дядя распахнул объятия, и бычеобразные племяннички устремились к ним. Наконец один из них догадался выпустить пассажира:

– Дайте дорогу человеку! Не будет же он ждать, пока мы вынесем сумки.

– Долго тащить? – поинтересовался один из приезжих.

– Нет, мы микроавтобус на стоянке припарковали, в десяти шагах от перрона.

«Увезет ли машина такую ношу?» – подумал Леонид, скользя между телами, вспотевшими от жары и напряжения. Выйдя из поезда, он с удовольствием глотнул свежего воздуха. Вопреки предсказаниям синоптиков, июнь в Крыму выдался нежаркий. Грустное солнышко выглядывало из-под нависших туч. Дождь грозил начаться в любую минуту.

Сомов подошел к мужчине, судя по загару, местному жителю:

– Извините, вы не подскажете, как добраться до Мидаса?

Тот указал толстым пальцем сначала в одну сторону, потом – в другую:

– Там – билетные кассы, а там – автобусы.

– Спасибо.

Подхватив сумку, Леонид направился к кассам. На его счастье, работали все три, и он довольно быстро взял билет. Микроавтобус отправлялся через десять минут, и он протиснулся в глубь салона. Желающих ехать в этом направлении было мало. Водитель подождал еще пять минут, прежде чем отправиться, но поскольку пассажиры не спешили заполнить машину, все же двинулся в путь, по дороге без боязни сажая «леваков». За полтора часа они доехали до поселка.

Леонид вышел из автомобиля и с интересом смотрел на огромные крымские горы, которые до сегодняшнего дня видел на картинках. Родители всегда обещали ему свозить его в Крым, да только постоянно что-то мешало, последние годы – отсутствие денег. Сами они побывали на море всего один раз и потом долго рассказывали, какое оно красивое. Леня не спорил. Да и как можно спорить о том, чего никогда не видел? А в этом году ему посчастливилось самому полюбоваться сказочным пейзажем. Море огромным полотном расстилось внизу. Оно казалось зеркалом, без единой трещинки. Сомов залюбовался им. А здесь и правда чертовски красиво. И как он мог сомневаться еще пару часов назад?

– Где пансионат «Гавань»? – спросил он у шустрой девушки, подстриженной под мальчишку. Она улыбнулась. Леонид тоже улыбнулся в ответ. Местная жительница выглядела милой и забавной. Ее кудряшки цвета медной проволоки были влажными, озорные голубые глаза блестели. Под мышкой она несла мокрое полотенце. Из полиэтиленового пакета выглядывал купальник.

– Спускайтесь вон по той лестнице – и напрямик попадете в обитель! – ответила она. – Вы к нам отдыхать?

– Разве заметно?

– По вашей благородной белой коже, – расхохоталась девушка. Ямочками на щеках и вздернутым носом она напоминала Риту. – А как вас зовут? Вдруг еще встретимся?

– Обязательно встретимся, – кивнул оперативник. – Леонид, – и он шутливо протянул руку.

– Марго, – она пожала ее.

– Марго? – Мужчина отпрянул, вызвав у собеседницы удивление. Но как назвать такое совпадение? Он только что думал о Рите. Или мысли материализуются?

– Знакомое имя? – усмехнулась девушка.

Он не стал юлить:

– Было дело.

– Поссорились?

– Вот поэтому я и приехал один, – признался Леонид. Рита понимающе смотрела ему в глаза:

– Здесь не так скучно, как кажется. Отдых на море – нечто особенное. Так, по крайней мере, говорят отдыхающие. Мне этого не понять, я тут выросла, – сверкнула она острыми белыми зубками. – Да вы ступайте! Скоро обеденное время!

Но ему не хотелось расставаться с новой знакомой:

– Вы сказали, мы еще увидимся. Может, покажете мне поселок? Я ведь тут впервые. Да и море, признаться, только сегодня узрел. Вдруг утону? Вы, наверное, хорошо плаваете.

– Как дельфин, – похвасталась Рита. – А как же иначе? Меня отец с малолетства в воду, как лягушку, швырял. А что, в вашем городе даже речки нет?

– Есть, – ответил оперативник. – Наш город так и называется – Приреченск. Плаваю я не как топор, тоже спасибо родителям. Мама водила в бассейн.

– Вот и отлично, – обрадовалась девушка. – Встретимся – поплаваем наперегонки. Недалеко от пляжа вашего пансионата – такие места! Можно и со скал понырять, и в грот наведаться. Подобную красоту вы вряд ли когда-либо встречали. Ну, а теперь бегите! В пять часов я подплыву к вашему пляжу.

– Только не исчезните! – Он помахал на прощание рукой и стал спускаться по лестнице с железными перилами, по бокам которой росли какие-то кусты с красными ягодами. Ему вдруг захотелось фруктов, и это неудивительно: ведь Крым и славится ими. Рука потянулась к неведомым ягодам, но застыла в воздухе. Только местные жители знают, что здесь съедобно, а что – нет. Зачем же рисковать здоровьем? Словно подслушав его желание, на тропинке, ведущей к лестнице, показалась старушка с ведром крупной клубники.

– На базар? – без стеснения спросил он. При виде такой вкуснятины рот наполнился слюной.

– А ты, милоч, купить хочешь? – поинтересовалась бабушка.

– Иначе бы и не спросил.

Цена, запрошенная старушкой, показалась сильно заниженной. На приреченском рынке он отдал бы в десять раз больше. В проворных руках продавщицы оказался кулек, и ягода перекочевала в сумку Сомова.

– Кушай на здоровье.

Леонид еле сдержался, чтобы не прикончить покупку еще на лестнице. Однако строгая мама учила его мыть фрукты и овощи перед тем, как отправить их в рот. Тем более он уже подходил к воротам пансионата. Охранники, дежурившие на КПП, едва посмотрели его документы, и оперативник очутился в парке неопишуемой красоты. Воздух был напоен какими-то умопомрачительными запахами. Кипарисы стрелами взметнули ввысь остроко- нечные вершины, словно пытаясь продырявить голубое, без единого облачка небо. Неведо- мые растения, оплетающие деревья, предлагали ему полюбоваться своими цветами, напо- минавшими разноцветные колокольчики. В маленьких озерцах резвились красные рыбки. Леонид вздохнул и продолжил путь, решив: если он будет останавливаться перед каждым соблазном, то никогда не дойдет до пансионата, трехэтажного отельчика, аккуратные бал- кончики которого уже виднелись за огромными пиниями с голубой хвоей. Администратор, высокая стройная женщина с взбитыми белыми волосами, встретила его приветливо:

– Издалека? Я никогда не слышала про ваш город.

– Центр России, – пояснил он.

Она открыла его паспорт:

– Значит, Леонид. А я – Надежда Ивановна.

– Очень приятно.

– В июне у нас еще мало народа, – продолжила разговор женщина. – Поживете один в двухместном номере. Устраивает?

Он кивнул:

– Конечно.

Надежда Ивановна сняла ключи и повела его на второй этаж. Ее легкие летние туфли на низком каблуке бесшумно ступали по ворсистому зеленому ковру. Заметив это, Леонид отогнал от себя сразу пришедшую в голову мысль, что администратор любит подслушивать и знает все тайны пансионата.

– А вот и ваш номер, – женщина повернула ключ и провела Сомова в просторную двухместную комнату.

– Кровать занимайте какую пожелаете. Ваш сосед прибудет неизвестно когда, – она одернула шторы ярко-красного цвета. Такими же покрывалами были застелены и постели.

– Я, пожалуй, расположусь вот здесь, – оперативник выбрал место у окна. – Как по ночам, комары сильно кусают?

Она улыбнулась:

– Здесь растет можжевельник, поэтому комаров хоть всю ночь ищите – не найдете.

– Это приятно слышать.

– Ну, оставляю вас одного, – ее туфли снова неслышно заскользили по ковру. – Обед в два часа. Есть бильярдная, сауна и, конечно, шикарный пляж. Пансионат у нас маленький, потому кинотеатра не имеет. Однако в соседнем санатории он есть, и довольно внушительный. Наши отдыхающие посещают его, впрочем, как и тамошнюю дискотеку. Для справки: фильм начинается в восемнадцать ноль-ноль, а дискотека – в двадцать один. Ну, располагайтесь, не буду вам мешать.

Леонид открыл двери большого платяного шкафа и развесил по плечикам три выход-ные рубашки. Сначала он не хотел их брать и даже поругался с матерью, но теперь, подумав о дискотеке, улыбнулся:

– Пригодятся!

Зато майки, которых он набрал несчетное количество, нашли приют в ящиках шкафа вместе с шортами и джинсами. Итак, с вещами покончено. Сомов взглянул на часы. До обеда оставался еще час. За это время он успел бы прикончить клубнику, мокнувшую в пакете. Леонид помыл под краном каждую ягоду и с наслаждением стал запихивать себе в рот клубнику. Сладкие, сочные ягоды вызвали вздохи восхищения. Красотища! Оставив от клубники одни хвостики, оперативник немного подремал на кровати, а потом прошел в столовую, располагавшуюся на веранде. Обед на свежем воздухе показался необыкновенно вкусным. Расправившись с первым, вторым и третьим, Леонид задумался. До свидания с местной жительницей оставалась уйма времени, и его следовало убить. А где убивать время, как не на пляже? Сказано – сделано. Вскоре молодой человек, переодевшись в шорты и футболку, бодро шагал к берегу моря.

На пляже Леонида охватило неопишное блаженство. Он расстелил полотенце, сбросил шорты и майку и лихо вбежал в воду, как когда-то учил его отец. По его мнению, она оказалась в самый раз, хотя купающихся можно было пересчитать по пальцам. Сомов с удовольствием проплыл сто метров кролем и, довольный, вылез на берег, решив подставить тело лучам ласкового солнца. Тучки, набежавшие утром, разошлись, и загоравшие с удовольствием ловили прикосновение лучей. Леонид последовал их примеру и развалился на полотенце. Усталость взяла свое, и оперативник сам не заметил, как задремал. Он очнулся, почувствовав, как кто-то трогает его за плечо:

– Вам пора накрыться, а не то сгорите, и кожа повиснет клочьями.

Мужчина лениво приоткрыл один глаз. Над ним склонилась незнакомая женщина.

– Вы меня слышите, молодой человек? Вам следует побережись.

Оперативник сел и протер глаза:

– Спасибо.

– О, не стоит благодарности, – незнакомка улыбнулась и хотела уйти, однако он остановил ее:

– Подождите! Вы тоже тут отдыхаете?

Женщина присела на камень:

– Я тут живу летом. У меня маленький домик, нечто вроде дачи, который муж оставил мне в наследство. Хотя пляж вашего пансионата платный, я здесь свой человек. Но не думайте, что это безвозмездно. Кстати, я Виола. А вы?

– Леонид.

Он с интересом наблюдал за незнакомкой. Это была высокая стройная блондинка лет тридцати пяти, с длинными ногами, огромными черными глазами, обрамленными длинными ресницами, густыми волнистыми волосами и тонкими чертами лица. Прекрасная фигура – результат регулярных занятий фитнесом, чистая, без морщин, кожа, ногти с дорогой росписью – все выдавало высший класс.

– А вы отдыхаете в «Гавани»? – У нее был красивый низкий голос.

– Да.

- Из Средней полосы?
- Из Приреченска. Как вы догадались?
- По речи. Явно не украинский говор.
- Он усмехнулся:
- Наверное. А вы филолог?
- Нет, историк. А вы чем занимаетесь?

Сомов не видел смысла лгать:

- Я капитан полиции.

Она вздрогнула, как от удара:

- Шутите?
- Если зайдете в гости, могу показать удостоверение.

Такой метаморфозы он от нее не ожидал. Женщина побелела, тонкие губы задрожали, ресницы затрепетали, как крылья бабочки. Леонид успел поддержать ее, иначе новая знакомая упала бы с камня.

- Вам плохо?

Опираясь на его руку, она попыталась подняться:

- Спасибо, все нормально.

– Вы так боитесь полиции? – Он уже пожалел, что задал этот вопрос. Виола побелела еще больше.

– Не в этом дело. Возможно, мне даже надо встретиться с вами и поговорить. Уже несколько лет меня мучает одна вещь.

Сомов рад был помочь:

- Почему бы нам не пообщаться прямо сейчас?

Женщина покачала головой:

– Я пока не готова. И вообще, еще не знаю, стоит ли рассказывать вам об этом. Я должна подумать, – она засуетилась и стала собираться: – Мне пора. Но мы обязательно встретимся. Я найду вас.

- Всегда к вашим услугам.

Уже не шатаясь, она торопливо пошла к лестнице. Он с интересом наблюдал за ней. Опытный глаз оперативника, не первый год работающего в органах, определил: ее что-то гложет. Леонид уже имел дело с такими людьми. Чаще всего это были дамочки с расшатанными из-за одиночества и скуки нервами, которым казалось, что они стали свидетельницами какого-нибудь страшного преступления, так и не раскрытого, и их беспокойная совесть давала о себе знать. Виола почему-то не выглядела в его глазах адекватным человеком. Она еще появится на горизонте, в этом оперативник не сомневался. А пока он решил зайти в номер и принять душ. Подхватив полотенце, парень бодро зашагал к пансионату.

Глава 2

Рита явилась в точно назначенное время. Она показалась из воды внезапно, как русалка, и обдала Леонида дождем морских брызг.

– Здравствуйте еще раз. О, приятно, когда человек держит свое слово.

– Еще бы! Ну что, вода для вас не слишком холодна?

– Я удивляюсь, почему так мало купающихся.

Рита дернула худеньким загорелым плечиком:

– Местные любят парное молоко, я имею в виду очень теплую воду, за редким исключением, конечно. Так что перед вами и есть это самое редкое исключение плюс отдыхающие, которые радуются любой морской воде. Между прочим, она вовсе не холодная. Восемнадцать градусов для меня сигнал к открытию купального сезона.

Сомов с ней согласился:

– В нашей речке бывает еще холоднее, когда я решаюсь наконец залезть в воду.

– Тогда вас не испугает прогулка вплавь.

Она взяла его за руку:

– Хотите осмотреть грот Юноны?

– Разумеется.

– Тогда вперед.

Они бросились в воду, показавшуюся Леониду теплее, чем утром, и быстро поплыли вдоль берега. Маленькие бухточки, служившие, наверное, пляжами во время жаркого лета, когда отдыхающие набиваются по десять человек на квадратный метр, были пустынные. В одну из них и привела гостя местная жительница.

– А вот и Белая скала! Сейчас мы подплывем ближе, и вы все увидите! Вряд ли в вашем городе есть нечто подобное!

Девушка не обманула. Природа прорубила в скале пятиметровый туннель.

– Заплывайте в него, не бойтесь.

Сомов и не думал бояться. Он во все глаза смотрел на это чудо. В гроте, созданном самим Творцом, было тихо. В прозрачной воде на глубине не менее двух метров он различал каждую песчинку. Правда, вода здесь была холоднее, потому что плотные стены не пропускали солнечных лучей, однако необычность и красота завораживала. И чудилось: они попали в какой-то неведомый мир и сейчас в нем совершенно одни. Крабы-паучки быстро перемещались по скользким стенам грота. Стаи серебристых рыб сверкающими лентами проносились под ними. Тело Риты тоже казалось осыпанным серебряной пылью. Леонид затаил дыхание, боясь нарушить сказочное очарование места. Рита вывела его из оцепенения:

– Плыдем погреемся, а то замерзнете.

На берегу никого не было. Они плюхнулись на мелкие камни, еще не остывшие от солнечного тепла.

– Здорово! – признался Леонид. – Эта красота должна быть перенесена на полотно опытным художником. Иначе просто несправедливо.

– Наши местные художники уже сделали это, – усмехнулась Рита. – Завтра мы с вами пройдемся по поселку, посмотрим местный Арбат, где выставлены картины наших мастеров, и вы сами все увидите.

Сомов повернулся к ней:

– У меня к вам одна просьба.

Она с интересом взглянула на него:

– Какая?

– Давайте перейдем на «ты». Я вроде не старый, а вы совсем юная.

– Не возражаю. Так ты пойдешь завтра на прогулку по Мидасу?

– Обязательно. Кстати, извини за не деликатный вопрос, – он бросил камешек в прозрачную воду, – ты учишься или работаешь?

– Учусь, – отозвалась девушка. – В Симферопольском университете на факультете психологии. Перешла на второй курс. А ты чем занимаешься?

Оперативник расхохотался:

– Боюсь, тебя испугает моя профессия.

Рита сразу догадалась:

– Неужели полицейский?

– Точно. Капитан полиции.

– Я вас не только не боюсь, но и уважаю, – откликнулась собеседница. – У меня брат работает в местном отделении.

– Приятно, что ты родственница моего коллеги.

Она перевернулась на спину:

– Скоро начнет холодать. Пока ночи здесь не очень теплые. Поплывем или поднимемся на гору и пойдем берегом?

Сомов пожал плечами:

– Как скажешь.

Рита решительно встала:

– Отправимся по суше, не хватало еще, чтобы ты простудился в первый день приезда. Тогда наша прогулка не состоится.

– Как скажешь, – повторил Леонид.

Она потянула его за локоть:

– Пойдем. Я знаю неплохой подъем.

Подъем по горе действительно оказался неплохим для тренированных людей. Рита, судя по тому, как она преодолевала его, была здесь частой посетительницей. Леонид вскоре начал задыхаться:

– Куда ты так спешишь?

– Ты опоздаешь на ужин.

Она была права. Свежий морской воздух вызвал аппетит.

– Далеко до пансионата?

– Рукой подать.

Когда они поднялись наверх, оперативник несколько секунд постоял, чтобы восстановить дыхание:

– Первый день – и столько впечатлений! – расхохотался он.

– То ли еще будет! – весело отозвалась девушка. Они прошли двадцать метров, весело болтая.

– Вон мое жилище, – загорелая ручка показала на каменный аккуратный одноэтажный домик, утопавший в зелени плодовых деревьев. – Заходи в гости.

– Обязательно, если родители не будут против.

– Не будут, – твердо ответила Рита. – Ну, я пошла. А вон и твой пансионат.

– Может, встретимся вечером? – предложил Леонид.

Девушка расхохоталась:

– Да после ужина ты будешь спать как убитый, поверь мне. Так случается со всеми приезжими в первый день, когда он насыщен событиями. А завтра я приду, и обязательно поплаваем вместе и побродим по нашему поселку. Я всегда держу обещания. Ну, пока.

Она юркнула в заросли какого-то неизвестного кустарника, чтобы сократить путь, а оперативник еще долго смотрел на медноволосую головку, мелькавшую среди листьев.

Сомов добрался до пансионата действительно очень быстро, однако, садясь за стол на веранде, накрытый к ужину, заметил, что устал. О танцах, на которые мужчина собирался пригласить новую знакомую, не могло быть и речи. Его переполняло одно-единственное желание – поскорее доползти до постели и улечься спать. Вряд ли хватит сил принять душ, впрочем, он и так слишком долго пробыл в воде.

Спокойно поужинать ему не дали. За его столик посадили пожилую супружескую пару, прибывшую из Полтавы, и маленькая, худая воблообразная супруга, с явно вставными зубами, крашеными волосами и бровями, подчеркивающими морщины на лице, которые она тщетно пыталась затушевать кремом, визгливым голосом проклинала все на свете.

– Черт тебя дернул согласиться ехать сюда, – пилила она мужа, с видом побитого пса ковырявшего в тарелке. – Вода просто ледяная, солнце палит, как в пустыне, ночи тоже холодные. Нет, если погода не переменится, я уезжаю отсюда.

– Но, мамочка, – пытался возразить он. – Мы же только прибыли. Давай побудем хотя бы недельку.

– Недельку? – ошетилилась женщина. – Да за недельку я загорю, как колхозница, и подхвачу простуду. Конечно, если тебе хочется поскорее овдоветь – другое дело. И кормят здесь отвратительно.

– А по-моему, вполне приличная отбивная, – вставил Леонид. Женщина зло посмотрела на него. – Да, никогда в жизни не ел ничего лучше.

Муж покраснел:

– Простите Адочку. Она, наверное, перегрелась на солнце.

Сомова злила эта дама.

– Если учесть, что сегодня оно слишком часто пряталось за тучу, то ли будет завтра! – сочувственно ответил он.

Супруг пожал плечами:

– Адочка привыкнет.

Она бросила на него убийственный взгляд:

– Посмотрим.

Оперативник вытер платком губы:

– Приятного аппетита.

Адочка усмехнулась:

– Вот смешное пожелание!

Капитан поспешил оставить их одних. Надо же, как повезло ему с соседями по столу! Впрочем, супруг, кажется, приличный мужчина, однако женушка сведет с ума любого. Хоть бы они действительно уехали! Однако по опыту ему было известно: пара не двинется с места. Адочке доставляет несказанное удовольствие пилить мужа за каждую мелочь. Для этого здесь просто благодатная почва. Но все это можно перетерпеть, если только к нему не поместят такого же соседа. Тогда лучше повеситься. Думая об этом, он шел по дороге, обсаженной красиво подстриженным кустарником. Его новая знакомая Виола, как призрак, вынырнула из-за высокого эвкалипта.

– Нас не должны видеть вдвоем, – тихо сообщила она.

«Еще и эта», – с неудовольствием отметил он. Сомов был сыт по горло ненормальными людьми.

– Я все раздумываю, стоит ли вам открываться, – шептала женщина.

Он отмахнулся:

– Сперва действительно надо хорошо подумать.

– Не иронизируйте, – прохрипела Виола. – Вы не представляете серьезности моего положения.

– Тогда вам следует открыться, – самой заветной мечтой Леонида было отделаться от навязчивой дамы.

Она взяла его за руку и потащила по аллее:

– Я покажу вам, где находится моя дача. Наверное, мне действительно придется открыться вам, – женщина свернула на дорогу между деревьями. Пахнуло сыростью. Сомову стало страшно. Он с силой выдернул ладонь:

– Либо оставьте меня в покое, либо говорите, что вам нужно.

– Тихо, не кричите! – Ее и без того бледное лицо белело лунным пятном на фоне темных зарослей. – Мы все обсудим потом, – в ее глазах нарастал ужас. Оперативник огляделся. Все было тихо. Тишину нарушало лишь пение цикад.

– Кого вы боитесь?

– Потом, – она резво побежала по дорожке, и удивленный мужчина проводил ее взглядом. Странно, но страх, внезапно совладевший женщиной, передался и ему. Казалось, в кустах кто-то прятался.

– Бред, – громко произнес Леонид, успокаивая себя. Однако чуткое ухо уловило еле слышный шорох. Получалось, что его новая знакомая не ошиблась. За ними действительно кто-то следил. Наверное, Виола знала, кто и почему, и боялась этого человека.

Леонид снова вышел на асфальтированную аллею и быстрым шагом направился к пансионату.

«Катке Зориной понравилась бы такая история, – рассуждал он сам с собой. – Но я приехал отдыхать и не хочу вникать ни в какие криминальные события, если таковые имеют место. А бояться неизвестно кого – это просто абсурд».

Но когда он дошел наконец до дверей отеля, у него дрожали ноги.

Глава 3

Рита, верная своему обещанию, появилась из волн утром.

– Поплаваем? – спросила она Леонида, недавно пришедшего на пляж. Он не отказался:

– С удовольствием.

– Потом нас ждет масса интересных дел, – пообещала девушка. – Моя мама приглашает тебя на обед, главное блюдо которого – фирменная уха, после мы отправимся гулять по поселку.

– Отлично, – обрадовался мужчина.

Девушка словно прочитала его мысли. За завтраком супружеская пара, его соседи по столу, опять разругалась, да так, что ему в горло кусок не шел, и он откланялся, не доев вкусную кашу. Когда же Сомов, идя на пляж, подумал о предстоящем обеде за одним столом с нервной дамочкой, его затошнило. Так что приглашение в гости оказалось весьма кстати.

– Поплывем к гроту?

– Давай.

Оба с разбега забежали в воду под укоризненным взглядом Адочки, сидевшей с зонтиком на надутым матрасе и продолжавшей донимать мужа необоснованными упреками.

На этот раз до Белой скалы они добрались быстрее.

– Под твоим руководством я стал лучше плавать, – сообщил Рите Леонид. Она рассмеялась:

– Ты и так неплохо плавал. И моей заслуги здесь нет.

Полуболевшись немного красотой дивного места, они вылезли на берег. Когда молодые люди удобно улеглись на мелкой гальке, подставив тела лучам солнца, Сомов спросил:

– Ты хорошо знаешь местных жителей?

Этот вопрос удивил ее:

– Да, но почему ты спрашиваешь?

Он приподнялся на локтях:

– Меня интересует одна женщина, привлекательная блондинка лет сорока. Ее зовут Виолой.

Рита вздохнула:

– Эта ненормальная? Как же, ее знают все.

– Она ненормальная?

– Разумеется!

– Так считают все в вашем поселке?

Девушка ехидно посмотрела на него:

– А как считал бы ты, если бы знал: вот уже несколько лет она ни с кем не разговаривает, ходит по Мидасу, как неприкаянная, и бросает взгляды испуганной газели.

– Может, на это есть причины?

Рита пожала плечами:

– Может. Только мне до них нет дела.

Сомов не отставал:

– А что тебе о ней известно?

Она вздохнула:

– Тебе интересны женщины в возрасте?

Это его покорило:

– Раз спрашиваю, значит, надо.

– Ну, да, ты же полицейский, – медноволосая красавица понимающе подмигнула. – Ладно, не хочешь – не отвечай. Я и так все расскажу. Она появилась здесь лет пять назад

со своим муженьком, каким-то предпринимателем, и они начали строить дачу. По-моему, у них неплохо получилось. Ты видел это строение?

– Нет.

Рита ухмыльнулась:

– Если она тебя пригласит, не отказывайся. Тебе вряд ли удастся когда-нибудь приобрести нечто подобное. Поэтому побывай там хотя бы в гостях.

– Не ерничай, – скривился мужчина. – Лучше продолжай.

– Они были красивой парой, – послушно вещала Рита. – Но через пару лет она овдовела.

– И какова причина его смерти?

В темных глазах вспыхнули злые огоньки:

– Здорово она тебя заинтриговала. Только криминала никакого нет. Он скончался скоропостижно. То ли инфаркт, то ли инсульт. Дача перешла к ней по наследству. Виола проводит здесь лето и начало осени.

– У нее есть дети?

Рита наморщила лоб:

– Кажется, она была второй женой этого предпринимателя. Своих у нее нет, это точно. Однако его отпрыски наведывались сюда после его смерти, намереваясь оттяпать у нее лакомый кусочек. Наши старожилы говорили: дачу она отстояла, зато остальное имущество отдала им без сожаления. Детки заграбастали огромную квартиру в центре Харькова, еще одну в Москве, и Виола даже не пикнула. Ей есть где жить, пусть и в гораздо более скромных условиях, и женщина решила конфликт таким образом.

Леонид перевернулся на живот:

– Она всегда казалась странной?

Рита задумалась:

– Пожалуй, нет. Пару лет назад это была веселая и приветливая женщина. Может, на нее повлияла смерть мужа?

– Может быть.

Сомов вздохнул. Разговор с Ритой мало что прояснил. А ему так хотелось выяснить, с кем же он имеет дело – с ненормальной или насмерть перепуганной женщиной.

– Если ты хочешь побродить по поселку, надо плыть назад, – спохватилась девушка.

Оперативник бодро вскочил на ноги:

– Я готов.

Молодые люди вошли в воду. До пансионата они добрались быстро.

– Погуляем – и к нам на обед, – констатировала Рита.

Леонид посмотрел на шорты и майку:

– Сбегаю переоденусь.

Девушка улыбнулась:

– В нашем городишке считается нормальным, если ты так одет. Мы же курортники.

Мужчина замялся:

– Неудобно.

– Неудобно спать на потолке.

Накрывшись огромным полотенцем, Рита ловко переделалась в простенькое белое платье.

– Ну, вперед.

Они поднялись по лестнице. По дороге знакомая сообщала Леониду названия неизвестных ему деревьев и кустарников. Сомов был поражен обилием флоры на таком маленьком кусочке земли.

– Здесь растут все растения мира?

Она усмехнулась:

– Возможно.

Молодые люди достигли верха лестницы, и оперативник вскрикнул, очарованный красотой пейзажа. Сегодня море казалось ему другим. Оно напоминало огромное блюдо голубого цвета. Белые чайки издали казались кусочками белой бумаги, которые шаловливая рука пустила по ветру.

– Ну и красотища!

– Это верно! – согласилась Рита. – Знаешь, мы, крымчане, не устаем любоваться ею в течение всей жизни.

– Верно говорят: жизнь дается один раз, и прожить ее нужно в Крыму, – перефразировал оперативник известные слова Островского.

– Да, эта фраза нам знакома, – поддакнула собеседница.

Они вышли на центральную улицу. Правда, если бы девушка не сказала об этом, Сомов никогда не догадался бы. Узкие дороги с односторонним движением, одно- и двухэтажные дома, в основном частные. Две пятиэтажки сиротливо стояли неподалеку от автовокзала. Мидас казался особым мирком, окруженным горами и морем, островом с малым количеством жителей. И все же Леониду здесь нравилось. Рита словно прочитала его мысли:

– Сравниваешь со своим Приреченском?

– Да, – признался Сомов. – И пока сравнение не в пользу родного города.

Она кивнула:

– Я тоже обожаю этот уголок. А вот и местный Арбат.

На маленькой площади торговали фруктами, овощами, изделиями из можжевельника, ракушками и картинами. Оперативник подошел к художникам, скромно стоявшим возле своих творений. Ему понравился один пейзаж, изображавший Белую скалу и грот, где еще сегодня они были с Ритой.

– И сколько стоит такая красота?

Парень лет тридцати, с красным лицом, свидетельствующим о пристрастии к крымским винам, лукаво подмигнул:

– Приезжий?

– Верно.

– Тогда уступлю за пятьсот гривен.

Сомов наморщил лоб, прикидывая, сможет ли он позволить себе привезти домой такой подарок и не пробьет ли он в его бюджете ощутимую брешь. Рита догадалась, о чем он думает. Она скорчила гримасу и обратилась к художнику:

– Имей совесть, Григорий! Больше сотни твоя мазня не стоит. Тоже мне, Айвазовский!

Парень покосился на нее:

– Сотню? Да ты рехнулась! Только вчера мне предлагали четыреста.

– Так почему же ты ее не продал?

Может, художник и покраснел, однако пробить естественную красноту лица румянец не смог:

– Дурак был – вот и не продал.

Она показала ему свою прямую спину:

– Тогда дожидайся второго дурака. Пойдем, Леня.

Парень занервничал:

– Стойте! – Он обратился к Сомову: – А вы бы сколько за нее дали?

– На отдыхе деньги летят, как снег в пургу, – насмешливо заметила Рита.

– А все-таки?

Оперативник скосил глаз на пункт обмена валют, где красовались нужные ему цифры.

– Сотню дал бы охотно. Даже добавил бы пятьдесят.

На красном лице отразилась работа мысли:

– Двести – и по рукам.

– Согласен.

Пока Григорий заворачивал пейзаж, Леонид сбегал в обменный пункт и вернулся с гривнами:

– Держи, приятель.

– Спасибоочки.

Коричневые руки художника дрожали. Просто удивительно, как он умудрялся держать кисти.

– Не вздумай напиться вусмерть, – посоветовала Рита. – Лучше купи хорошие материалы.

– Непременно, Ритулька, – пообещал он и ринулся в сторону ближайшего магазина.

Девушка вздохнула:

– Хороший парень! Такой талантливый! Если бы не пристрастие! И ведь не хочет лечиться, не считает себя алкоголиком.

– Как все они, – поддакнул Сомов. Он был очень доволен покупкой. – А тебе спасибо, иначе я заплатил бы требуемую сумму. Уж больно хороша картина. А после нашего с тобой посещения грота я буду помнить Мидас до конца жизни.

– Не торопись умирать, – съехидничала Рита. – В принципе экскурсия по городу закончена. Огромную площадь занимают парки и леса. Вот с ними еще предстоит познакомиться.

– Это чудесно!

Знакомая взяла его за руку:

– А теперь – на уху. Мать, наверное, заждалась.

* * *

В тот день Леонид получил все удовольствия. Он искупался в прекрасной воде, побывал в гроте, купил картину и отведал действительно шикарной ухи. Мать Риты, Александра Тимофеевна, сухонькая блондинка с выцветшими грустными глазами, так суежилась возле гостя, что дочери стало неловко:

– Да не старайся так, мама, – рассмеялась она. – Леонид ведь не свататься пришел. Просто он впервые в нашем поселке и в Крыму и я взяла над ним шефство.

– Правильно сделала, доченька, – отозвалась Александра Тимофеевна. – Людям помогать надо. Хотите добавки?

Уха была такой сытной, что Леонид отказался.

– Вот и курочка подросла, – мать согнулась, вынимая из духовки противень с жареной в майонезе курицей. – Отведайте моего фирменного блюда.

Курица тоже оказалась превосходной. Леонид с удовольствием беседовал с женщинами, не замечая, как летит время.

Лишь когда на город стали спускаться сумерки, он поспешил в пансионат. Рита вызвалась проводить его, и Сомов согласился:

– Не представляю, как приду в пустой номер, – улыбнулся он, выйдя на улицу. Девушка подмигнула:

– Посмотришь для разнообразия телевизор.

– И то верно.

Они дошли до лестницы, и она коснулась его плеча:

– Ну, я побежала. Теперь я просто уверена: ты не заблудишься.

– Да, благодаря вам я прекрасно изучил ваш маленький городок, – галантно поклонился мужчина. – Значит, завтра на том же месте...

Рита не стала его разочаровывать:

– Я приду.

– Буду ждать.

Она махнула рукой на прощание и скрылась. Оперативник стал медленно спускаться по лестнице. Теперь пребывание в пансионате не казалось ему скучным.

«Интересно, продолжатся ли наши отношения, когда я покину Крым? – подумал он. – Девушка замечательная, только мне не везет с Ритами. А все-таки жизнь прекрасна».

Он жадно вдыхал запах экзотических растений. С моря дул легкий ветерок, освежая лицо. Выйдя на темную аллею, мужчина замедлил шаги. Ему показалось: за забором кипарисов слышался шорох, словно кто-то невидимый осторожно следовал за ним. Леонид оглянулся. Шум прекратился, и все же он чувствовал спиной: за ним идут.

– Кто здесь?

Женщина вынырнула из темноты, как бесплотная тень. Он вздрогнул:

– Это опять вы?

Виола положила ледяную руку ему на локоть:

– Я решила. Мне надо с вами поговорить.

Сомов одернул руку:

– Это вы повторяете мне каждый раз. Если вы нашли такой способ поразвлекаться, то мне он не по нраву.

Она оказалась неожиданно сильной. Длинные ногти больно впились в кожу и царапали ее:

– Знаю, меня считают здесь ненормальной. Однако это не так. Выслушайте меня, и вы все поймете. Присядем на скамейку.

Сомов понял: просто так от нее не отделаться. Придется подчиниться.

– Ну, давайте. Где скамейка?

Женщина хорошо ориентировалась в темноте:

– Идите за мной.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Маленькая скамейка стояла под двумя японскими акациями, розовые цветы которых умопомрачительно пахли. Виола провела по скамье рукой, словно проверяя, не испачкает ли она свое платье, и села. Сомов опустился рядом:

– Я вас слушаю.

Виола сложила ладони, как во время молитвы:

– Три года назад в нашем городе случилось одно происшествие. Полиция предполагала: это несчастный случай или самоубийство. Кажется, они сошлись на самоубийстве.

Сомов внимательно слушал:

– Понятно. Что же дальше?

Она хрустнула пальцами:

– Я знаю, это было самое настоящее убийство. И я хочу, чтобы убийца был наказан.

Леонид хмыкнул:

– Три года вы молчали. Почему?

– Хотела жить, – ответила женщина просто. – Никто бы не поверил мне, а если бы и поверили, полиция заткнула бы мне рот.

Оперативник удивился:

– Здесь процветает коррупция?

– В убийстве замешаны влиятельные люди. Я вряд ли дожила бы до следующего дня, если бы решила кому-нибудь довериться.

Парень кивнул:

– Ясно. Почему вы выбрали меня спустя три года?

Она задрожала и обхватила руками плечи:

– Я ужасно мучилась. Я чуть не сошла с ума. Носить такую тайну! Вот почему горожане думали, что я сумасшедшая. Но я не могла открыться местным. Узнав, что вы полицейский из другого города, я решилась. Думаю, вы проведете собственное расследование деликатно и профессионально, и с моей головы не упадет ни один волос.

Равнодушная луна освещала лицо Виолы, такое же бледное, как и она сама. Глядя в ее испуганные глаза, Леонид понял: она не лжет.

– Хорошо, я сделаю, что смогу. Рассказывайте.

За их спинами раздался легкий шорох. Женщина побледнела еще больше:

– Нет, не здесь. Кажется, за нами следят.

Сомов достал из кармана маленький фонарик, который захватил с собой на всякий случай, и нырнул в заросли кустов. Перед ним открылась небольшая поляна, поросшая чахлой зеленой травкой и усыпанная прошлогодними листьями. Кипарисы чуть шевелили острыми вершинами под напором легкого ветерка. Из кустов сирени вылетела летучая мышь и прочертила кривую над его головой. Кроме нее, живыми существами оставались лишь цикады, поющие свои песни, древние, как мир. И все же шестое чувство подсказывало: они с Виолой не одни в этом парке.

Оперативник вернулся к женщине:

– Ваш испуг напрасен. Там никого нет.

Она кусала губы:

– За мной следят, я это знаю. Они не могут позволить мне раскрыть тайну.

– Разве вам кто-нибудь угрожал? – поинтересовался Сомов. – Кто-то пугал?

Виола покачала головой:

– Я не пыталась никого выдать. А теперь... Поверьте, у них прекрасное чутье.

Оперативник стал подниматься:

– Тогда храните тайну еще насколько лет.

– Нет! – Ее лицо исказилось, как от сильной боли. – Моя совесть не дает мне покоя. Я все вам расскажу, только не здесь. Завтра вы придете ко мне утром. Так будет безопаснее.

– Если вас подозревают в том, что вы решили сделать, вам постоянно придется думать о безопасности, – пояснил Леонид. Возможно, даже придется уехать отсюда и нанять телохранителей. Я бы на вашем месте рассказал обо всем сегодня и провел ночь в хорошей гостинице.

– Мой дом – моя крепость, – твердо сказала она. – Поверьте, там мне ничто не угрожает, я под надежной охраной. Единственное, о чем я вас попрошу, – проводите меня. Заодно узнаете, где искать мой дом.

– Я сам хотел вам это предложить.

Он помог ей встать со скамейки, она взяла его под руку, и они медленно пошли по аллее. Снова пришлось подниматься по лестнице, потом они пересекли шоссе и вышли к маленькому поселку. Богатые жители, любящие море, построили особнячки у подножия горы. Трехэтажный коттедж Виолы, обнесенный железным забором, прямо кричал о благосостоянии хозяйки. Крепкую дверь открыл охранник, высокий молодой парень, стриженный наголо. Мускулы распирали футболку. Он бросил недружелюбный взгляд на Леонида:

– Он с вами?

Виола повернулась к Сомову:

– Видите? Я не солгала о крепости. Я в надежном месте.

Сомов еще раз взглянул на охранника, и он ему не понравился. Что-то такое было в этом парне...

– Вы уверены, что мне лучше уйти? Не хочу быть навязчивым, но в вашем доме много места. Найдется уголок и для меня. Мне почему-то кажется: я должен остаться с вами.

Она улыбнулась:

– Спасибо. Идите и не беспокойтесь. Я ужасная трусиха и обязательно оставила бы вас здесь, если бы в этом была необходимость. Но... – женщина развела руками. – Идите. Завтра нам предстоит серьезный разговор. Жду вас в девять утра. Не опаздывайте. Господи, неужели я наконец очищу свою совесть?

Женщина вошла на участок, и охранник быстро закрыл дверь. Леонид вздохнул и направился к пансионату. Да, завтра Виола все ему расскажет. Завтра... Расскажет... Противная дрожь пробежала по спине. Страх за женщину осел в душе.

Беспокойство за Виолу не давало уснуть, несмотря на чистый морской воздух, проникающий в открытое окно. Уставший от новых впечатлений за день, оперативник почти до утра не сомкнул глаз. Он пропустил завтрак, потому что не хотел ни есть, ни встречаться со скандальной дамой, еле дождался половины девятого, а потом быстро зашагал по направлению к дому Виолы. Руки и губы Леонида дрожали. Он старался себя успокоить:

«С ней ее охранник. Она сама сказала: мой дом – моя крепость. Почему же это должно волновать меня?»

Миновав шоссе, Леонид увидел дом Виолы. Он мирно стоял у подножия горы, и у Сомова немного отлегло от сердца. Мужчина подошел к забору и постучал в железную дверь. Мускулистый охранник должен был открыть ее сразу, ведь он не мог не знать, что его хозяйка ждет важного гостя. Однако вокруг было тихо. Сомова никто не встречал. Оперативник еще раз постучал, потом толкнул тяжелую дверь. К его удивлению, она открылась. Он задрожал всем телом. По своему опыту он знал: подобное сулит неприятности.

– Виола! Вы здесь?

По мощенной красным кирпичом дорожке он прошел к дому, не останавливаясь, чтобы полюбоваться красотой сада и декоративных фонтанов.

– Виола! Где вы?

Тишина, навалившаяся на оперативника, была зловещей. Дверь в доме тоже оказалась открытой.

– Я у вас, как мы и договорились, – крикнул Леонид, и голос сорвался на фальцет. Он прошел в гостиную, так же кричащую о богатстве хозяйки, как и сам дом. Виола была там. Она действительно ждала его. Полированный столик на колесиках был накрыт к завтраку. Из носика кофейника еще струился слабый дымок. Горкой лежали бутерброды с семгой и сыром. Сама хозяйка сидела в кресле с высокой спинкой и широко раскрытыми от ужаса глазами невидяще смотрела на гостя. Пуля попала между нарисованных бровей, и тоненькая струйка крови стекала по лицу. Пистолет, лежавший на полу, многое рассказал оперативнику. Эта женщина знала что говорила и не зря боялась слежки. Кто-то не хотел, чтобы она открывала рот, и заткнул его, пытаясь замаскировать все под самоубийство. Леонид был уверен: оперативники так и напишут в отчете. Виола давно кому-то мешала. Кому-то очень влиятельному, кто разгадал ее замысел и поспешил избавиться от нее.

Сомов торопливо выбежал из гостиной и прошелся по саду. Его интересовало только одно: куда делся охранник? Уже сидит в полиции и рассказывает, как обнаружил хозяйку мертвой? Или смылся подальше от страшного места? По мнению Сомова, ему следовало поторопиться. Ведь именно он либо впустил убийцу, либо сам убил несчастную женщину.

Оперативник в оцепенении стоял возле яблони, когда ему позвонила Рита. Девушка, наверное, ждала его на пляже. Разговаривать не хотелось, и все же он нажал кнопку:

– Да, Рита?

– Я жду тебя на пляже, – отозвалась она. – Что с тобой? Ты не придешь?

– Буду через полчаса, – пообещал мужчина. – И все тебе расскажу. Только никуда не уходи, пожалуйста.

Она пообещала. Сомов осторожно прикрыл за собой дверь. Теперь, как и у несчастной Виолы, у него появилось ощущение: за ним следят. Оперативник быстро побежал по лестнице и был на пляже раньше назначенного времени. Рита взяла его за руку, удивленно разглядывая темные круги под глазами и измученное лицо.

– Ты плохо спал? Неважно выглядишь.

– Я вообще не спал, – он прилег на полотенце, предварительно расстеленное девушкой. – Рита, я хочу кое о чем рассказать тебе. Я оказался свидетелем страшного события.

Как психолог, девушка хорошо чувствовала его состояние:

– По тебе видно, случилось ужасное. Я готова тебя выслушать.

– Тогда пойдем в уединенное место. Ты знаешь такое?

Она приподняла выгоревшие брови:

– Грот?

Мужчина хотел кивнуть, однако передумал. Тот, кто с недавних пор стал охотиться за ним, мог подумать, что Леонид много знает, и постараться свести с ним счеты, устроив какой-нибудь несчастный случай. Вероятно, преступник слыл мастером по несчастным случаям и организациям самоубийств. Смерть на воде – почему бы нет? Достаточно появиться рядом и поддержать его под водой определенное время.

– Нет, – отказался Сомов.

– Но почему? Это прекрасное место.

– Потом ты поймешь, что я прав. Пойдем в городской парк.

Она согласилась:

– Да. Там есть прекрасные скамеечки в зарослях дикого винограда. И вид на море потрясающий.

– Тогда одевайся.

Рита, как всегда, продемонстрировала чудеса мгновенного переодевания, и они направились в городской парк, так поразивший Сомова в первый день его приезда в Крым.

* * *

Скамеечка под навесом из дикого винограда действительно стояла уединенно и пока пустовала. Леонид с облегчением уселся на нее. Рита плюхнулась рядом.

– Что случилось, Леня?

Он взял в свои руки ее теплые ладони:

– Я могу на тебя рассчитывать? Видишь ли, кроме тебя, мне некому довериться в этом городке.

Ей это польстило:

– Разумеется. Но что произошло?

Сомов вздохнул и рассказал ей обо всем: и о том, как Виола ловила его, обещая поведасть какую-то тайну, и о том, как она наконец решилась и назначила встречу у себя дома, и, конечно, о том, как он обнаружил ее мертвой. Услышав о валявшемся рядом с креслом пистолете, Рита сморщила нос:

– На меня она всегда производила впечатление не вполне нормальной женщины. Поверь, как психолог, я не ошибаюсь. Этот испуганный взгляд в сторону, игнорирование общества, некоторые жесты. Ты уверен, что она не покончила с собой?

Леонид покачал головой:

– Ну, посуди сама. Виола назначает мне встречу, накрывает на стол, прекрасно одевается, накладывает макияж и стреляет себе в лоб. Если ты, как психолог, найдешь в этом логику, я постараюсь ее понять.

Она пожала плечами:

– Да, наверное, ты прав. И что собираешься делать дальше? Я знаю: такие натуры, как ты, не останавливаются.

– И ты права, – поддакнул Сомов. – Я найду этого негодяя. Поможешь мне?

Рита удивленно взглянула на собеседника:

– Я? Но как?

Мужчина почесал затылок:

– По словам Виолы, это случилось три года назад. Мне нужны все дела трехлетней давности, где был бы вынесен вердикт – самоубийство или несчастный случай.

Девушка задумалась:

– Хочешь, чтобы я обратилась к брату?

Леонид замотал головой. Брат Риты вполне мог быть замешан в деле. Тогда он будет ставить палки в колеса сыщику из России.

– Кроме нас, о нашем расследовании не узнает ни одна живая душа, – твердо заявил оперативник.

Она кивнула:

– А ты не можешь сам пойти в прокуратуру, представиться адвокатом Виолы и запросить дела? Насколько я помню, ты не обязан выкладывать все на блюдечке с голубой каемочкой.

Молодой человек усмехнулся:

– Они потребуют удостоверение и расколют меня в два счета.

Подруга запустила руку в волосы:

– Понимаю. Дай-ка сообразить...

Девушка молчала минуты три, потом хлопнула в ладоши:

– Ну, конечно, как же я сразу не додумалась! Обо всех подобных случаях пишет наша газета «Вестник Южноморья», а одна журналистка, Лена Барышева, всегда проводит свои расследования. Кстати, ей ты можешь довериться. Многие в нашем поселке удивляются, как эта дамочка еще не свернула себе шею.

– Почему? – поинтересовался Леонид.

– Потому что вечно лезет туда, куда не просят.

Сомов улыбнулся. Именно такой была и жена его друга Костика Скворцова, Катя Зорина.

– Как же мне найти эту Лену?

– В редакции, находящейся вон в том домишке, – Рита показала пальцем на старое одноэтажное строение и усмехнулась. – Только не воображай крутой офис. У нас бедные спонсоры, и газета ютится в подвале. Кабинет журналистки оставляет желать лучшего.

Леонид взглянул на часы. Сами того не заметив, молодые люди проговорили три часа. Тело Виолы, разумеется, уже нашли.

Мужчина поднялся со скамейки:

– Пойду пообедаю, а потом наведуось к этой, как ее...

– Елене Барышевой, – ехидно заметила Рита. – Кстати, она очень даже ничего. Смотри не влюбись.

Он подмигнул:

– Постараюсь. Да и как можно влюбиться в другую, если перед глазами постоянно мелькает такая фея, как ты?

Она покраснела:

– У тебя есть девушка в Приреченске?

Парень задумался:

– Не знаю, как ответить. Но в данный момент, кажется, скорее нет, чем есть.

Рита щелкнула языком:

– Ты все еще по ней сохнешь. Бывшая невеста?

– Да.

Подруга одернула подол платья:

– Не горюй. Вдруг разлука вас помирит.

Он промолчал, заметив, что это не очень приятно его знакомой. Но как ответить на подобный вопрос? Та, приреченская Рита, еще не забыта, с ней так много связано. И вообще, только богу известно, как повернутся события.

– Вечером я приду и узнаю, как у тебя дела, – девушка развернулась и пошла по аллее. Ее неестественно прямая спина и слишком твердая походка говорили о том, что она затаила обиду. Она рассчитывала совсем на другой ответ. Сомов дернулся было с места, чтобы побежать за ней, но вовремя остановился. Допустим, он ее догонит... а что дальше? Признается в любви? Все это глупости. И она уже не маленькая, чтобы дуться на такие пустяки.

* * *

Пообедав и выслушав лекцию соседки по столу о вредоносном действии загара на организм человека, Леонид быстро покинул пансионат и направился в редакцию. Рита оказалась права. Ветхий домик напоминал избушку рыбака из сказки Пушкина, но никак не редакцию газеты. Вывеска, где золотом было выведено название «Вестник Южноморья», резко контрастировала с дверью, почерневшей от времени, на которой чья-то рука тщательно ее закрепила. Естественно, ему и в голову не пришло стучаться, и дверь, что-то поскрипев вслед, пропустила гостя. В маленьком чистом коридорчике на полу лежал свалывшийся зеленый ковер, вдоль стены стояли стулья с поломанными спинками. В кабинетах слышались голоса и стук пальцев по клавиатуре.

– Где мне найти Елену Барышеву? – поинтересовался оперативник у пожилой женщины с пучком седых волос на затылке. Несмотря на теплое время года, эта работница редакции облачилась в толстые вязаные чулки, собравшиеся на щиколотках в складки и нелепо смотревшиеся на фоне босоножек, таких же древних, как и она сама. Видавшая виды кофта облегла ее, как броня. При виде ее Леонид вспомнил фильмы советского периода. Женщины, подобные этой, блюли порядок в советских учреждениях, любясь портретами вождей. Однако пожилая дама оказалась весьма доброжелательной. Вероятно, приличный вид Сомова навел ее на мысли о новых спонсорах:

– Леночку? В последнем кабинете.

Кабинет известной в городе журналистки находился в самом конце коридора. Для приличия Леонид постучал. Звонкий голосок тут же отозвался:

– Войдите!

Он открыл дверь. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь занавески, прекрасно освещали скудную обстановку этой комнатенки. Старый стол, который, наверное, прежде чем сюда попал, побывал на свалке, его собрат – стул, неизвестно как выдерживавший тяжесть человеческого тела, диван с обломанными подлокотниками, старый компьютер – вот и все, чем могла похвастаться журналистка Мидаса. Зато сама хозяйка была хороша. Рита не обманула, когда с завистью произнесла о ней несколько лестных слов. Пепельные волосы Лены волнами падали на черную футболку и смотрелись на ней, как дорогое украшение. Большие, чуть раскосые серые глаза окаймляли длинные ресницы. Правильному носу, высоким скулам и пухлым губам позавидовала бы любая модель, не говоря уже о фигуре мастера спорта по гимнастике. Длинные тонкие пальцы спокойно лежали на клавиатуре. Вероятно, визит незнакомца оторвал ее от важного занятия.

– Я вас слушаю.

– Имею честь представиться, – галантно поклонился оперативник. – Я ваш коллега из далекого российского города Приреченска.

Она не расплылась в улыбке, а сжалась, насторожившись:

– И вы можете предъявить журналистское удостоверение?

– А я не вожу его с собой.

Лена не выглядела любезной:

– Я вам почему-то не верю, ну да ладно. Что же вам нужно от меня?

– Помощь коллеги.

Девушка взяла карандаш и стала нетерпеливо постукивать по столу:

– Какая же?

– Мне нужны ваши статьи по уголовным делам трехлетней давности.

Она усмехнулась и задала вполне резонный вопрос:

– Зачем?

Леонид не был достаточно сообразительным и не сразу смог придумать ответ, который не вызвал бы подозрений:

– Видел в Интернете, и меня кое-что заинтересовало.

Журналистка выплевывала вопросы, как шелуху семечек:

– Что?

Сомов сдался. У любой представительницы прессы язык куда более подвешен, чем у него самого. Мужчина покраснел и потупился. Это не осталось незамеченным:

– Что же вы молчите?

Он усмехнулся:

– Думаю, как справиться с вашей любознательностью.

– Или как сочинить новую версию, – парировала девушка. – Вы ведь не журналист, от вас, кстати, за версту несет полицией. Я угадала?

Вместо того чтобы обидеться, он добродушно расхохотался:

– Угадали. Сколько раз мы с коллегами обсуждали эту тему. Ну, скажите на милость, что в нас такого особенного?

Она сощурилась:

– Не знаю... Манера вести разговор, жесты... И эти вопросы. Мои коллеги начинают все выпытывать по-другому. Так вы и правда из полиции?

Леонид кивнул:

– Истинная правда. А вот и удостоверение.

Лена пробежала по нему глазами:

– Приреченск... Вы на отдыхе или...

– На отдыхе, – успокоил он ее. – Только, кажется, отдыха не предвидится. Одной ногой я уже влез в дело и собираюсь идти до конца. Вот поэтому мне и требуется ваша помощь.

Барышева махнула рукой:

– Присаживайтесь.

Оперативник покосился на ветхий диван:

– А выдержит?

– Ему приходилось выдерживать и несколько человек.

– Тогда я рискну.

Он осторожно присел на растрескавшуюся обивку. Пружины жалобно взвизгнули, но устояли. Елена удовлетворенно посмотрела на гостя:

– Вот теперь можно спокойно все обговорить. Кстати, хотите чаю?

– Не откажусь.

Электрический чайник закипел быстро.

– Весной и в начале лета мы с подругой ходим в горы и собираем травы, – пояснила девушка, насыпая заварку из полиэтиленового пакета, – а потом сушим их и делаем чай. Попробуйте. Он очень вкусный.

Когда в стакан полился кипяток, необыкновенный аромат, казалось, разнесся по всей редакции. Лена подвинула к оперативнику баночку с медом:

– А эта вкуснятина с пасеки моего дедушки. Видите, все натуральное.

– От ваших угощений обалдеть можно! – Сомов быстро расправился с чаем и попросил добавки. Барышева с видимым удовольствием исполнила его просьбу. Когда с напитком было покончено, лицо девушки приняло серьезное выражение:

– А теперь вы расскажете мне правду?

Леонид был готов к ответу:

– Все зависит от того, действительно ли вы хотите ее знать, – спокойно сказал он. – По моим подсчетам, как минимум двое уже лишились жизни.

Продолжая смотреть на собеседника, Лена закатала рукав футболки, и Сомов увидел толстый красный шрам.

– Однажды я оказалась не в том месте не в то время, – пояснила журналистка. – Влиятельные люди предупреждали: не лезь в наше дело. Ты слишком молода, чтобы умереть. Но я влезла, чудом осталась жива и переехала к родителям в Мидас. Однако сидеть спокойно – не в моем характере! Я создала эту газетенку, найдя спонсора, и развлекаюсь тем, что пишу о криминале в поселке городского типа. Правда, хороший материал надо искать днем с огнем, но иногда людям интересно почитать и о чрезвычайных происшествиях. Такие в Мидасе случаются.

– Например, сегодня, – подсказал Сомов. Она подняла на него серые глаза. В них вспыхнули стальные огоньки:

– Вы о чем?

– О смерти Виолы.

Она отбросила волосы с плеч, что, наверное, выражало крайнее изумление:

– Сегодня умерла Виола? Это та богачка, которая выстроила дачку у подножия горы и отгородилась от всех?

– Именно она. Значит, вы еще ничего не знаете?

– Это вполне понятно, – она быстро начала складывать в маленькую сумочку из кожзаменителя мобильный телефон, диктофон и фотоаппарат. – Полиция желает видеть меня в последнюю очередь. Но я им сейчас устрою сюрприз, – Барышева уже готовилась встать с разбитого стула. Сомов остановил ее:

– Кажется, за свою информацию я заслуживаю награды.

Лена замерла:

– Точно. Одну секундочку.

Она принялась водить мышкой по экрану, и вскоре из принтера поползли листы бумаги.

– Вот мои статьи по вашим делам, – она протянула Леониду листки. – Уголовщиной здесь не пахнет. В нашем поселке часто случается суицид. Однако пообещайте, что вы изучите материал и зайдете ко мне. Все же интересно, зачем он вам понадобился.

Барышева сунула в потную руку оперативника визитку и вывела его из редакции.

– Где вы остановились? – спросила девушка.

– В пансионате «Гавань», – откликнулся он.

– Если вы не покажете носа, я к вам наведаюсь, – пообещала она и мгновенно исчезла в виноградной аллее. Леонид посмотрел ей вслед, вздохнул и отправился в номер. Впервые за три дня пребывания здесь ему захотелось побыть одному, полежать на кровати и почитать статьи Барышевой. Подходя к пансионату, он просил только об одном: чтобы ему никого не подселили. И его мольбы были услышаны.

Глава 4

На изучение статей Сомову понадобился час. Покойная Виола задала ему трудную задачку. За три года в Мидасе произошло три происшествия, и все они квалифицировались как самоубийства. Самое раннее случилось с четырнадцатилетним подростком, Ваней Кашкиным, который бросился под поезд. Вторым пострадавшим значился доктор, акушер-гинеколог Тарасов. Его халатность стала причиной гибели молодой женщины и близнецов. Врач сам вынес себе приговор, и его бездыханное тело нашли на берегу моря. Третьей в страшном списке оказалась семнадцатилетняя ученица одиннадцатого класса, Марина Княжина, попавшая под грузовик. Леонид сначала решил досконально просмотреть дело Ивана Кашкина. Полиция привела несколько весомых аргументов, в том числе, конечно, и обещания мальчика, однако Барышева параллельно вела собственное расследование, и результаты совпали. Сомову до боли в сердце стало жалко парня с веселым лицом и ямочками на щеках. Все в его облике кричало о любви к жизни, а он выбрал смерть. Причина для многих показалась бы банальной, однако, как писала Елена, нельзя забывать о ранимой психике подростков. Судьба Вани была нелегкой с самого рождения, хотя начиналось все хорошо. Его мать вышла замуж за военного, волею судьбы брошенного служить в глубинку России. Наверное, парень пил еще с курсантских времен, и когда грянуло сокращение, он вылетел из вооруженных сил, как пробка из шампанского. Жена, не получившая никакого образования только из-за того, что слишком рано вышла замуж, едва покинув школьную скамью, последовала за ним в деревню, где они приобрели дом. Барышева, чтобы сделать материал интереснее, побывала в глубинке и откопала богом забытую деревушку. Кашкины за гроши купили хибару у местного пьяницы, тут же прогулявшего деньги и замерзшего в лесу через неделю после хорошей продажи. Семью Кашкиных сие печальное известие не огорчило. Хозяин был чужим человеком, а глава семьи, Степан, всегда мечтал работать на земле. Военная служба рассматривалась им как источник заработка, но никогда молодой человек не чувствовал желания и готовности стоять на защите Родины.

Соседи наперебой отговаривали от покупки мать маленького Вани, Василису:

– Не будет вам здесь счастья, – говорила красочно выписанная старожилка, баба Нюра. – У нас все мужики плохо кончают. Да и жалиться на них грех. Когда был колхоз, и работенка имелась. Теперь вот все стоит, ни денег, ни работы. Деревенские только грибами и самогоном питаются.

– Но у нас пять соток, – резонно заметила Василиса.

– То, что у вас там вырастет, вы съедите за неделю, – усмехнулась старуха. – Мой вам совет: уезжайте, пока не поздно.

Однако было уже поздно. Степан быстро сошелся с местными мужиками, и в новом доме одно застолье сменялось другим. Иногда Кашкиных приглашали в гости, и те шли с удовольствием, таща с собой ребенка.

– Сейчас и пообедаем, – спокойно говорила Василиса, слушавшая голодные вопли сына. – Хлеб-то и картошка надоели, а на другое денег нет. Вот придет весна – и начнем новую жизнь. Огород насадим, деревья побелим. Кур, уток заведем, поросенка выкормим. Не пропадем.

Однако ее словам не суждено было сбыться. Водка сжигала Степана, как саркома, в доме не хватало сильных мужских рук. Большей частью мужчина лежал на кровати, отсыпаясь после очередной гулянки, и на укоры жены только огрызался:

– А ты для чего? В доме хозяйка – женщина.

Понятно, что в таких условиях у Василисы все валилось из рук. Маленький Ваня помогал матери, как мог, но огород зарастал бурьяном, огурцы и помидоры родились величи-

ной с большой палец ноги, картошку выкопали наполовину съеденную каким-то паразитом. Деревья зачахли. Еще при прежнем хозяине они болели и требовали хорошего ухода. Но откуда было ему взяться? Сбившаяся с ног Василиса тоже стала прикладываться к рюмке, и неизвестно чем бы это все закончилось, если бы однажды, когда мать с сыном вышли из дома каждый по своим делам, Степан не заснул пьяный, бросив незатушенную сигарету на одеяло. Соседи вспоминали, как быстро распространился пожар. Казалось, в одну секунду одноэтажный домишко охватило пламя и превратило его в гигантский факел. Все бросились спасать свое хозяйство. Василису и Ваню разыскивали, когда их кров пылал вовсю. Они стали тушить огонь водой из колодца. Все помогали несчастным, уповав на пожарную машину, которую вызвали сразу же после возгорания. И она действительно не обманула ожидания: приехала через час. Пожарников уже никто не ждал, пожар потушили собственными силами. Дом не подлежал восстановлению. Когда вынесли хозяина, он уже не дышал. Если бы Степан оказался трезвым, ему бы наверняка удалось спастись. Однако его состояние не оставило ни одного шанса на спасение. Василиса, увидев труп мужа, громко заголосила, а Ваня стоял как каменный. В тот день они потеряли все.

– Поживете пока в моей времянке, – предложила баба Нюра. – И одежонку кое-какую я вам справлю. От детей осталось много тряпок.

Василиса кивнула:

– Только несколько дней. Я напишу матери, и мы уедем в Крым. Здесь нам делать нечего.

– Вот и правильно, – согласилась старушка. – Я тебя давно предупреждала. Уезжайте и начинайте новую жизнь.

Осиротевшая семья так и поступила. Родители Василисы жили в Мидасе тоже небогато, иначе она подумала бы, прежде чем выходить замуж за Степана. Женщина не раз признавалась себе, что никогда его не любила. Однако когда в маленький поселок приезжает будущий офицер и делает предложение, никакая поселковая девка не устоит. Ночами, ютясь на раскладушке бабы Нюры, молодая женщина горько плакала. Она винила во всем себя. «Возможно, – говорила ее совесть, – если бы ты любила Степана, ты бы больше уделяла ему внимания и отучила бы пить. А так ты сломала жизнь ему, себе и Ванечке».

Письмо из Мидаса от родителей не заставило себя ждать. Мать Клара Ивановна, у которой за дочь изболелось все сердце, тоже сообщила горестную весть: несколько дней назад она похоронила отца, скончавшегося скоропостижно от инсульта. Василиса, получив такое сообщение, испытала настоящий шок. Папа, ее любимый папа, все делавший для того, чтобы единственной дочке было хорошо, всю жизнь проходивший в море мотористом на маленьком буксире, который в шторм швыряло, как щепку, покинул ее! А она так рассчитывала на его поддержку! Дедушка должен был заменить мальчику отца. Выходит, воспитывать Ванечку придется женщинам. Изливая на бумаге постигшее их семью горе, Клара Ивановна слезно звала дочь назад, в Мидас, обещая помочь с внуком. Она выслала им все деньги, оставшиеся после похорон. И Василиса с Ваней засобирались в Крым. Баба Нюра откровенно радовалась:

– Поживете как люди, – говорила она. – А остались бы вы здесь, даже со Степаном, чем бы все кончилось? Я ведь не зря своих детей разбросала по городам. Все образование получили. Они – моя гордость. Тоскливо мне одной, да что делать? Гораздо лучше, чем с болью глядеть, как твое дитя спивается. И у тебя, Васька, Степан алкоголиком заделался, а Ваня обязательно пошел бы по его стопам.

– Почему? – испуганно спросила мать. Может, баба Нюра заметила какие-то признаки, тягу к спиртному у ее сына?

– Потому что все здесь пьют, – пояснила соседка. – Я тебе об этом еще в первый день нашего знакомства говорила. Видишь, не солгала. Уезжайте отсюда и начинайте новую жизнь. У тебя все получится, ты баба молодая и сильная.

Мать и сын собрали сумку, получившуюся очень легкой: ведь все их вещи сгорели при пожаре, и сели на поезд, отправлявшийся до Симферополя. Обоих переполняли радужные надежды. Да, конечно, права баба Нюра: здесь, в этом уголке, невозможно было начать новую нормальную жизнь, на которую, наверное, рассчитывал отец, уволившись из армии. А в Крыму, у моря, в волшебном климате, все по-другому. Однако, когда они добрались до родного дома, настроение сына и матери упало. Вероятно, мать не писала, что отец давно уже чувствовал себя неважно и потому не ухаживал за домом, как прежде. С некогда ухоженного строения сыпалась штукатурка, крыша прохудилась, деревянный забор почернел от старости и дождей, как и оконные рамы с облупившейся голубой краской. Огород, конечно, выглядел лучше, чем тот, на котором Василиса еще недавно трудилась, на деревьях, ухоженных и побеленных, кое-где висели плоды. Но все приходило в запустение.

Они постучали в калитку, печально скрипнувшую в ответ. Она сразу открылась: старенькая женщина ждала их в саду. Она бросилась обнимать сначала Василису, потом Ваню, и дочь с горечью отметила, как постарела Клара Ивановна.

– Какой ты стал молодец! – Бабушка с любовью оглядывала внука. – Вот радость на старости лет! А ты, Василисушка, неважно выглядишь. Замучили тебя проклятые проблемы!

Женщина хотела что-то ответить, но комок в горле помешал ей это сделать, и обе, мать и дочь, крепко обнявшись, зарыдали в голос. Ваня стоял в сторонке и морщил нос:

– Бабушка, я есть хочу, – недовольно заметил он. – В деревне мы с мамой и отцом постоянно голодали. И у тебя то же самое?

– Не позволю, внучок, – Клара Ивановна вытерла слезы и засутилась. – Пенсию мне платят неплохую. Кроме того, когда я узнала, что ты приезжаешь, дочка, и тебе работу приискала. В садике воспитатель требуется. Зарплата, правда, небольшая, зато какая-никакая, а работа. У нас ведь тоже нелегко. Все живут на сдаче комнат курортникам.

– Почему же ты этого не делаешь? – изумился Ваня.

– Подскажи, что сдавать, – ехидно ответила бабушка. – Дед твой до последнего дня своей жизни на пенсию не хотел. Как чувствовал, что вы приедете. Себе ничего не покупал, даже когда сердце стало прихватывать, на лекарства жалел, все приговаривал: «Вот Васька с сыночком приедет – пристройку сделаю. Сдавать будем и на эти деньги парня выучим».

– А Степана почему в расчет не берешь? – спрашивала я.

– Алкоголик ваш Степан, все равно дочка с ним разведется, – утверждал отец.

Клара Ивановна хотела еще что-то сказать, но вдруг всплеснула руками:

– Господи, чего же это я вас голодными держу? Борщ остывает. Идите в дом. Хотите помыться – воду надо нагреть.

Мать и сын переглянулись.

– По крайней мере, не придется думать о завтрашнем дне, – проговорила Василиса. – Устроюсь на работу, а там, глядишь, и переменится к лучшему.

– Пристройку я сам сделаю, – заявил Ваня. – Дед прав был. Как еще жить в курортном месте, если не сдавать комнаты?

Василиса обняла десятилетнего сына:

– Ох, ты мой кормилец будущий! Конечно, все потихоньку сделаем!

Жизнь Кашкиных и правда стала налаживаться. На следующий день Василиса пошла в детский сад, и ее сразу взяли воспитателем. Клара Ивановна сводила внука в школу, где ему предстояло учиться. До начала занятий оставался целый месяц.

Лена Барышева, как профессиональный писатель, описывала чувства, охватившие мальчика на новом месте, словно он сам рассказывал ей об этом. Первую половину дня Ваня

помогал бабушке по хозяйству: колот дрова, возился в огороде, шел в магазин, а потом, с удовольствием срывая с себя пропахшую потом одежду, надевал плавки и мчался к морю, плавая до изнеможения. Море стало его другом и советчиком, и он часто говорил матери:

– Как же я не знал его раньше? Почему мы никогда не приезжали летом сюда?

– Потому что отец не жаловал твоего дедушку, – пояснила Василиса. – Он с самого начала нашей совместной жизни хотел доказать, что мы проживем без всякой помощи.

– И это ему хорошо удалось, – с горечью заметил Ваня.

Мать поморщилась:

– Не надо так! Он по-своему любил тебя!

Мальчик пожал плечами:

– Наверное!

Тогда же, в августе, он начал подготавливать все к работе над пристройкой, однако потом решил: в одиночку ему ничего не сделать. Как же не хватало сильных мужских рук! Ему вообще не хватало общения с мужчинами. Это в глубинке все друг друга знали и по возможности поддерживали. В маленьком курортном поселке каждый был сам по себе. Однако мужчина в Ваниной жизни все же появился. Чисто одетый, в голубых джинсах и белой футболке, с улыбающимся загорелым лицом, на котором выделялись черные глаза, он постучал в ветхую калитку однажды вечером:

– Хозяева! Есть тут кто-нибудь?

На стук вышла обеспокоенная Клара Ивановна:

– Вы к нам? – Она впустила незнакомца в сад.

– Если вы Кашкины, – улыбка не сходила с его лица, которое немного портил тонкогубый рот.

– Мы-то Кашкины. А ты кто будешь? – Бабушка до смерти боялась воров и жуликов.

– Друг Степана. Где он, кстати?

На крыльцо вышла Василиса и, услышав последние слова гостя, побледнела:

– Если вы друг, почему не знаете, что Степан умер?

Улыбка сбежала с лица мужчины:

– Степка умер? Не может быть! Но где? Как?

– Сгорел пьяный, – буркнула женщина.

Старушка поинтересовалась:

– Откуда вы знали Степана?

Незнакомец стушевался, и это не укрылось от глаз Клары Ивановны.

– Так откуда вы знали Степана?

– Мы вместе учились в военном училище, – признался мужчина. – Только я уволился сразу после окончания и уехал на Урал. Степан дал мне ваш адрес, – он снова включил обаятельную улыбку. – Меня зовут Григорий. Может, Степан рассказывал обо мне?

Василиса покачала головой:

– Никогда о вас не слышала.

– Возможно, прошло ведь столько лет, – Григорий не спорил. – Наверное, будь Степан жив, он тоже перестал бы считать меня другом, – он виновато посмотрел на женщин. – Хотел отдохнуть на море и остановиться у него. Но вижу – не получилось. Всего хорошего.

Клара Ивановна с облегчением вздохнула:

– Всего хорошего.

Незнакомец ей не понравился. Но дочь решила иначе:

– Подождите! Куда же вы пойдете?

– Здесь, наверное, уйма гостиниц, – подмигнул Григорий. – Устроюсь куда-нибудь. Правда, я рассчитывал задержаться подольше, у меня немного денег, но раз так, придется подтянуть пояс.

Василиса взглянула на мать:

– Мама, мы не можем вот так выгнать его.

Клара Ивановна удивилась:

– Его никто не выгоняет. Но если ты пожалела приятеля Степана, мы все равно не можем его приютить. Я не собираюсь спать на раскладушке.

– А если он согласится ночевать в сарае? Неудобно вот так отказывать ему.

Пока мать и дочь решали судьбу незнакомого мужчины, он не уходил, прислушиваясь к их беседе.

– Если в сарае он составит компанию моим курам, то не возражаю.

Так Григорий поселился у Кашкиных. Целыми днями он ничего не делал, только валялся на пляже, а вечером Василиса угощала его вкусным ужином. Клара Ивановна скорее догадалась, чем заметила: по ночам дочь бежит в сарай к другу Степана, но спросить об этом решила только спустя месяц. Григорий никуда не собирался уезжать. У Кашкиных ему явно нравилось.

– Неужели ты спуталась с этим?.. – поинтересовалась мать. – Неужели?

Она ожидала услышать другой ответ, однако женщина не солгала:

– Мы полюбили друг друга, мама. Я беременна.

Пожилая женщина чуть не лишилась чувств:

– Беременна?

– Он женится на мне и останется здесь, – продолжала Василиса.

Клара Ивановна молитвенно сложила руки:

– Но ты ничего о нем не знаешь. Откуда он взялся?

Василиса смело посмотрела ей в глаза:

– Да, он не предприниматель, но нам так не хватает мужчины. У Вани будет отец. Мы закончим пристройку, которую собирался сделать папа. Теперь мы не одинокие женщины с ребенком.

Бабушка схватилась за сердце:

– Вишь, что мать твоя удумала, – обратилась она к Ване, вернувшемуся с пляжа. – За Григория замуж выходит.

Ваня, узнав об этом, кинулся к ее ногам:

– Мамоchка, я прошу тебя, не выходи замуж!

– Ты эгоист, – заявила мать. – Это уже решено. Тем более вскоре у тебя появится брат или сестра.

– Но Григорий плохой человек! – не сдавался Ваня.

– Разве ты меня знаешь? – послышался знакомый баритон. Сильно загорелый, в белых шортах и футболке, сверкая ровными зубами, мужчина заходил в калитку.

– Не знала, что хозяев так благодарят за гостеприимство, – зло поджала губы Клара Ивановна.

Он сразу все понял:

– Мы полюбили друг друга. Василиса беременна. Я не могу способствовать убийству моего ребенка. Она родит в браке. А Ваню я усыновлю.

Старушка махнула рукой:

– Делайте что хотите. Пойдем, Ванюшка.

– Мальчик останется, – вдруг твердо сказал Григорий. – Я хочу с ним поговорить.

Он увел Ваню в парк, и они о чем-то долго беседовали. Когда оба вернулись, Ваня перестал препятствовать свадьбе матери.

Григорий и Василиса поженились, и вскоре у них родился сын Егор. Через год после его рождения врач поставил неутешительный диагноз – аутизм. Проблемы по уходу за больным ребенком свалились на плечи Клары Ивановны и Вани. Василиса даже не взяла декретный.

Денег катастрофически не хватало. Григорий сделал пристройку, однако вместо квартирантов там постоянно жили какие-то знакомые Григория, которые, естественно, не платили за постой никаких денег. У мужчины, вероятно, водились бабки, потому что он регулярно ходил в рестораны, покупал себе новую одежду, нисколько не заботясь о жене и ребенке. Забывшая о стакане Василиса снова начала пить.

Ваня умолял ее:

– Мамочка, давай выгоним его. Мы сами справимся.

Она что-то невразумительно мычала в ответ.

– Если это не кончится, – в тот же вечер заявил Иван бабушке, – вы меня никогда не увидите живым. Клара Ивановна передала его слова матери. Однако та была слишком пьяна, чтобы адекватно среагировать. На следующий день Ваня куда-то отправился сразу после школы. Клара Ивановна занималась Егором и не заметила, как сгустились сумерки. Василиса работала в ночную смену, Григорий выгнал ее из пристройки матерными словами. Сердце женщины почуяло беду. Она бегала по поселку, но никто не видел Ваню. И только утром в их дом принесли страшную новость: мальчик бросился под поезд.

Клара Ивановна слегла с инсультом, да так уже и не вышла из больницы. Григорий заявил Василисе, что не собирается нищенствовать с ней, алкоголичкой, и больным ребенком, и скрылся в неизвестном направлении. Несчастливая женщина осталась одна и с удовольствием изливала душу Елене Барышевой, приходившей собирать материал для статьи. Они подолгу беседовали, и статья получилась большая, прямо материал для хорошего романа. Журналистка поговорила и с машинистом поезда, сбившего мальчика. Он утверждал: для него это стало большим ударом, однако сделать он ничего не мог. Ваня бежал по крыше электрички, стоявшей на соседнем пути. Он прыгнул прямо под колеса локомотива. Его хоронили в закрытом гробу. А Василиса каждый день ходит в церковь и замаливает грехи.

Глава 5

Первая статья произвела на Сомова большое впечатление. Что ни говори, Барышева умела писать. Если бы ей захотелось славы Кати Зориной, она бы ее получила. Правда, профессионализм его давней знакомой был все же повыше. После чтения ее статей не оставалось никаких вопросов. Тут же их набегало, по крайней мере, три. Почему Григорий смотался сразу после гибели ребенка? Куда же он направился? Почему Ваня выбрал такой способ сведения счетов с жизнью? Странно бросаться под идущий поезд с крыши электрички. Не легче ли просто лечь на рельсы или прыгнуть под состав в самый удачный момент? Почему ответ на эти вопросы не читался даже между строк? Впрочем, возможно, он не прав, так рассуждая о Елене. В конце концов, она предоставила ему уже конечный материал, а что Барышева писала в предыдущих статьях, освещая работу полиции, оставалось неизвестным. Вполне вероятно, Григорий стал первым подозреваемым, и его досконально проверили. И все же сомнения разъедали душу. Леонид не выдержал и позвонил Барышевой:

– Здравствуйте, Елена! Видите, я появился на горизонте раньше, чем обещал. А вы уже закончили свои дела? Мы можем встретиться?

Девушка обрадовалась его звонку:

– Да. Конечно. Представьте, они хотели скрыть от меня смерть Виолы. Так что я ваша должница. Называйте время и место.

– Мне понравился ваш городской парк.

Она усмехнулась:

– Я бы предпочла перекусить. Как вы относитесь к крымско-татарской кухне? Возле нашей редакции – неплохая чебуречная.

Леонид только сейчас почувствовал, как голоден:

– Я с удовольствием.

– Тогда жду вас возле редакции.

* * *

Чебуреки и в самом деле оказались превосходными. Сомов никогда не ел ничего подобного. В его родном Приреченске тоже была чебуречная, однако там чебуреки были далеко не такими сочными, как местные.

Минут пять они молча ели, запивая душистым чаем. Наконец Елена с возмущением начала:

– У меня договор с полицией. Они обязаны сообщать мне о любом происшествии. Однако об этом самоубийстве они и не подумали сообщить.

– Как же они объяснили свою оплошность? – поинтересовался Леонид.

Она покраснела:

– Никак. Впрочем, у меня не оставалось времени на то, чтобы ругаться. Надо было успеть сделать снимки и расспросить экспертов и оперов.

– И что они ответили?

Девушка отхлебнула из кружки:

– Обычное самоубийство.

Леонид скривился:

– Получается действительно странно. Обычное самоубийство, а они не ставят в известность прессу. А если учесть, что покойная ждала меня к девяти часам и подготовила угощение, появляются новые вопросы.

Барышева подалась вперед:

– Виола назначала вам встречу?

– Именно так, – Леонид вытер губы салфеткой. – Надеюсь, ваша наблюдательность вам не отказала и на этот раз, и вы заметили накрытый стол. Дамочка была чем-то страшно напугана и спешила поделиться со мной важной информацией. Ее убили прямо перед моим приходом.

– Но возле кресла лежал пистолет, на котором только ее отпечатки пальцев, – неуверенно проговорила Лена.

Сомов поморщился:

– Сейчас знает даже ребенок, что если предмет берешь в перчатках, на нем не остается следов. Не станете же вы утверждать: Виола мечтала, чтобы я увидел ее мертвой. А накрытый стол – это для поминок, так получается?

Барышева сжала кулаки:

– Вы правы. Но кто ее убил?

– Вы действительно хотите это знать? Помните, чем закончилось желание докопаться до правды для самой Виолы.

Она поправила волосы:

– Да, я хочу знать.

Леонид кивнул:

– Тогда, во-первых, вам придется быть со мной откровенной. В самоубийстве Вани Кашкина много вопросов.

Лена не удивилась:

– Задавайте.

– Сам способ. Вам он не кажется странным?

Она вздохнула:

– От подростков можно ожидать чего угодно.

– А свидетели? Неужели, кроме машиниста, никто ничего не видел?

– У нас маленький вокзал, – отозвалась Барышева. – Это не Москва. На перроне собирается толпа, когда ждут электричку. Она только что отошла. Та, по крыше которой он бежал, отправлялась через час. Стоянка поезда, раздавившего мальчика, – полторы минуты. Тот, кто собирался выходить в Мидасе, ничего не видел, потому что ребенок попал под локомотив. Желающих сесть на нашей станции не оказалось. Вот и получилось: мы имеем то, что имеем.

– А почему он не лег на рельсы, не кинулся под колеса, а прыгнул? Большая вероятность промахнуться.

Она отвернулась:

– Не знаю.

– А полиция? Что сказала она?

Барышева усмехнулась:

– Да они рады закрыть дело как можно скорее. Наши парни уцепились за фразу, сказанную Ваней бабушке: «Если он не оставит нашу семью, я покончу с собой». Остальное их уже не интересовало.

– А вы? Неужели вы не посетили Василису?

Лена покраснела:

– Конечно, посетила. Только мать пребывала в такой горе, что я сочла за лучшее появиться у нее позже.

– И появились?

– Да, но времени прошло слишком мало.

Сомов изучал Лену, и ее уклончивость ему не нравилась.

– А почему так поспешно скрылся Григорий? Не проверялась ли его причастность к делу?

Барышева начала раздражаться:

– Разумеется, проверялась, хотя он не имел к этому никакого отношения. Васин Григорий – обыкновенный альфонс и туеядец, живущий за счет женщин. Пока семья Кашкиных кормила и поила его, он даже помогал им по хозяйству. С рождением больного ребенка многое изменилось.

– Но вы же сами пишете, что деньги у него водились. Откуда, спрашивается, если он не работал?

Журналистка взглянула на Сомова как на больного ребенка – с жалостью и раздражением:

– Собственно говоря, почему вы решили, что он нигде не работал? Другое дело, Кашкины и Клара Ивановна ничего об этом не знали. Григорий мог шабашничать, однако держать заработки, как и место работы, в полной тайне, ибо не хотел кормить семью.

– Ладно, – махнул рукой Леонид. – Его отыскиали?

И опять безмятежный взгляд журналистки:

– Зачем?

– Странно, что у вас его личность не вызывает подозрений, – рассуждал оперативник. – Мужик появился ниоткуда и исчез в никуда.

– Почему ниоткуда? – удивилась Елена. – Он ведь учился со Степаном в одном военном училище.

Сомов сжал под столом кулаки. Елена либо специально разыгрывала из себя полную дуру, либо не лезла дальше отведенного для нее пространства. Тогда и в деле Виолы она не помощник. Спасибо, дала почитать свой материал. Правда, с ним еще работать и работать.

Оперативник бросил взгляд на часы и поспешил откланяться:

– Мне пора.

Она не стала его удерживать:

– У меня тоже много работы. Будут вопросы – звоните.

Леонид кивнул и стал пробираться к выходу. В Барышевой он разочаровался. Ее наивность чуть не довела его до бешенства. Однако, выйдя на воздух и сделав несколько шагов по направлению к морю, молодой человек расслабился и пришел к выводу: он не должен осуждать журналистку. Когда-то она влезла в страшное дело и чуть не погибла. Возможно, сейчас ее также предупреждали, и Елена не бежала впереди паровоза. Во всяком случае, она подсказала ему, где рыть дальше, и он продолжит раскопки без нее. Леонид сам найдет Василису и пообщается с несчастной матерью.

Капитан стал спускаться к пансионату. Только сейчас он вспомнил о том, что Рита ждала его на пляже, и прибавил шаг. Хотя это, наверное, было излишним. Девушка давно ушла домой. А он даже не позвонил ей!

* * *

Пропустив обед, оперативник сбежал к пляжу и с наслаждением погрузился в теплую воду. Не успел он отплыть от берега и десяти метров, как чьи-то сильные руки, обхватив его шею, потянули мужчину на дно. Сомов успел глотнуть воздуха, иначе обязательно бы захлебнулся. Соленая вода попала в нос, и он, оторвав от себя прицепившегося к нему человека, показался на поверхности, чихая и отплеываясь. Улыбающееся лицо Риты возникло как из подводного царства. Она громко хохотала, однако оперативнику было не до смеха:

– Идиотка! Ты могла меня утопить!

Она ничуть не смутилась:

– И утопила бы, если бы ты хоть чуточку зазевался. А правду говорят: полиция всегда на чеку!

Ее голос дрогнул. Сомов понял: девушка обиделась. Он потянул ее за плечо:

– Ну, не злись. Извини, так получилось. Барышева дала мне уйму материала, в котором без нее мне было никак не разобраться. Пришлось второй раз тащиться в редакцию.

– Не ври! – выкрикнула Рита, но тут же взяла себя в руки и уже спокойно проговорила: – Вы мирно беседовали с ней в чебуречной.

– Пусть там, но мы говорили о деле.

Девушка поплыла к берегу. Она молчала, и это беспокоило Леонида больше всего:

– Ты, наверное, ждала меня на пляже?

– Я держу свои обещания.

Капитан перегнал ее:

– Как мне искупить свою вину? Кровью? Видишь ли, я могу тысячу раз попросить у тебя прощения, однако это не снимает с меня вины.

Девушка повернулась к нему и улыбнулась:

– Ты все мне расскажешь. А я уже решу: прощать тебя или не прощать. Действительно ли Барышева дала тебе такой интересный материал?

– Идет! – Он стукнул ладонью по воде, обдав ее миллионами брызг. – Где хочешь послушать – в гроте или на нашей скамейке в парке?

Она задумалась:

– Скорее в парке. Твой вид прямо кричит о том, что с сегодняшнего дня ты займешься расследованием, и сорваться со скамейки будет быстрее, чем добираться в поселок из грота.

* * *

Усевшись в тени дикого винограда, зеленые плоды которого напоминали по размеру крохотные бусинки, молодые люди принялись за дело. Леонид дал Рите материал, любезно предоставленный ему Леной Барышевой. Девушка внимательно изучила статьи, и ее гладкий лоб прочертили морщины.

– Вердикт – самоубийство, – изрекла она, возвращая ему листки. – Какое же из трех ты предпочтешь?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Пока тружусь над разгадкой суицида Вани Кашкина.

Рита усмехнулась:

– Поверь психологу, здесь нет ничего удивительного. Когда матери вторично устраивают свою жизнь и рождается ребенок, дети от первого брака чувствуют себя ненужными.

Сомов покачал головой:

– Если ты внимательно читала статью, в ней ни слова не говорилось о ревности. Ваня невзлюбил отчима по неизвестным нам причинам. Кроме того, возникают другие вопросы. Что он делал на вокзале в такое позднее время? Почему бежал по крыше электрички? Почему оттуда бросился под поезд? Он ведь мог и промахнуться.

– Но не промахнулся, – вставила Рита.

– Свидетелей его гибели также не отыскивали, – продолжал Леонид. – Мальчик мог убегать от кого-то по крыше, поскользнуться и упасть под колеса, его, в конце концов, могли толкнуть. Почему отчим сразу скрылся в неизвестном направлении? И вообще, откуда появился, на что существовал этот человек? Почему он казался Ване подозрительным?

Девушка задумалась:

– Слушай, а ты прав. Это логично.

– Вот почему я хочу навестить Василису Кашкину и побеседовать с ней. Знаешь такую?

Подруга вздохнула:

– Слегка полоумная тетя Вася. Ее знает весь поселок. После произошедших в ее семье событий она малость тронулась умом.

Оперативник поежился. Идти к умалишенной не очень хотелось.

– Но на вопросы она способна ответить?

– Разумеется.

– Тогда пошли.

Они уже поднялись со скамейки, когда у Леонида затренькал мобильный. На дисплее высветилось имя Елены.

– Слушаю вас, Лена.

Сомов заметил, как напряглась Рита. Черт возьми, а девочка ревнует. Ему было приятно. Приреченская Рита его отвергла, а русалка из Мидаса проводит с ним все свободное время. Он похлопал ее по плечу и повторил:

– Слушаю вас.

Барышева почти шептала:

– В моей статье ничего не говорилось о фотоаппарате, найденном возле тела мальчика. Мать и бабушка утверждали, что это его вещь, однако Григорий божился: он ни разу не видел у пасынка ничего подобного.

Сомов напрягся:

– А снимки? Их удалось сделать?

Лена замялась:

– Фотоаппарат попал в милицию и больше не всплывал. Когда я интересовалась им якобы для материала в газету, капитан Егоров сказал мне, что вещь не подлежала восстановлению. Это все, что я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.